

Во-первых, необходимо внимательно выявлять следствия иллюзорного знания, которое часто ведет к непосредственной катастрофе концепции, это путь саморазоблачения псевдознания. Во-вторых, сами учителя должны уметь выявить псевдознания, их механизмы и способы их нейтрализации, т. е. требуется более четкая, рефлексивная работа с интериоризацией на фоне помех. В-третьих, преподаватель должен сменить позицию ментора и носителя знания на позицию участника диалога с учащимся, причем диалога не просто на уровне знания, но и на уровне методологии. Наши предложения носят негативный характер, а для решения проблемы необходима позитивная программа.

Проблема псевдознания не возникает в наши дни с такой остротой случайно, она тесно связана с четвертой технологической (информационной) революцией. Ключевой момент революции знания состоит в переводе знания-что в знание-как и в знание-кто.

Напомним: знание-что — это знание нейтральное к индивидуальности и ее практике, ранее оно господствовало. В знании-что интериоризация доминирует. Пример знания-что в современном мире — тригонометрия. Большая часть людей знают, что есть синусы, представляют, что это такое, но никогда их не применяли. Такое знание не захватывается псевдознанием только потому, что это для него неактуально. Мы считаем, что знание-что — прерогатива разума, а интериоризация этого знания развивает разум учащегося.

Знание-как — это знание, направленное на практику, находящее применение. В капиталистическом обществе оно имеет большую ценность, чем знание-что. Примерами такого знания могут служить технология и идеология. Это знания, которые не только есть, но и содержат мотивы поступков и развития человека. Такого рода знания мы связываем с рассудком, который формализует знание-что в сторону его применения. Отметим, что в самом существовании знания-как есть и положительные, и отрицательные стороны. Положительные — в пользе для производства и благосостояния, отрицательные — в том, что знания развиваются ради применения, что вызывает методологические сбои, очень заметные на материале истории идеологий.

Знание-кто — это знания, которые формируют субъективность учащегося, они должны быть им приняты как свои. Информационно эти знания могут не отличаться от знания-что, но они воспринимаются как свои, и учащийся будет болезненно относиться к критике этих знаний. Если же они неверные, то критика будет еще болезненнее, что будет отторгать учащегося от обучения. Мы связываем эти знания с процессом включения в разум чувств. Именно чувства, как показывают примеры и модели постмодернизма, ослепляют разум. Положительная сторона знания-кто очевидна: благодаря им мы получаем самоформирующегося субъекта, но и работа с такого рода знанием должна протекать иначе. Если учащийся сам учится, то главным со стороны учителя становится диалог знания и псевдознания.

Хочется подчеркнуть, что псевдознания становятся довольно часто оборотной стороной знания-кто. Хорошо, если они просто обозначают уникальность автора, но если они включаются в выработку схем исследования и выводов, то это сказывается негативно. Итак, искажение интериоризации и формирование учащегося в режиме ускоренного освоения псевдознания — оборотная сторона ускорения информационного развития обществ и современного человека в методологии знания-кто. Отчасти мы считаем, что проблема нарушения интериоризации состоит в отставании школы и вуза от революции знания-кто. Все это говорит об актуальности разработки методологии знания-кто.

1. Лиотар Ж.-Ф. Либидинальная экономика. М. ; СПб. : Изд-во Ин-та Гайдара : фак. свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 472 с.

2. Делез Ж. Складка, Лейбниц и барокко. М. : Логос, 1998. 262 с.

3. Николин В. В. Немецкая классическая философия. И. Кант. И. Фихте. Фр. Шеллинг. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2009. 540 с.

© Николин И. В., Николина О. И., Шаров А. С., 2019

УДК 165: 81

Науч. спец. 09.00.01

DOI: 10.36809/2309-9380-2019-24-46-49

КОГНИТИВНЫЙ И ЭМОТИВНЫЙ АСПЕКТЫ В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКА И КОММУНИКАЦИИ

В настоящее время складывается тенденция существенного изменения коммуникации: повышение значимости эмотивных аспектов языка, обращение к эмоциональному интеллекту. Статья показывает формирование данной тенденции и поднимает проблему учета этого изменения при изучении когнитивных и эмотивных контекстов коммуникации.

Ключевые слова: эмотивный и когнитивный аспекты языка, контексты коммуникации, смайлография.

COGNITIVE AND EMOTIVE ASPECTS IN THE STUDY OF LANGUAGE AND COMMUNICATION

Currently, there is a trend of a significant change in communication: the mainstreaming of the emotive aspects of the language, turning to emotional intelligence. The article shows the formation of this trend and raises the problem of how to take this change into account when studying cognitive and emotive communication contexts.

Keywords: emotive and cognitive aspects of language, communication contexts, smileyography.

Исследования эмотивной составляющей языка обретают особую актуальность. Если посмотреть на темы диссертаций, которые защищаются в последнее время, то можно увидеть, что в составе названий и/или ключевых слов используются термины «когнитивный», «эпистемологический», «познавательный», «гносеологический». Однако стоит отметить, что, несмотря на провозглашенную когнитивную революцию, эти контексты все чаще соприкасаются с эмотивностью. Когнитивный прорыв оказывается тесно связан с эмоциональными изменениями в мышлении и с насыщением языка эмоциональными знаками и символами, которые передают эмотивное содержание и становятся средством эмоциональной коммуникации. Не последнюю роль в этом коммуникативном поле играет психологическая составляющая и все, что связано с эмоциями в целом. Также когнитивная психология, психолингвистика обращаются к исследованиям эмоционального интеллекта, вычленяют его влияние на коммуникацию.

Философская герменевтика становится некоторой базой для обращения как к традиционному постижению текстов, так и к исследованию их эволюции в новые форматы повествования, число которых стремительно увеличивается. Прежде всего это такие феномены, как цифровые и мультимедийные повествования, комиксы как нарративы и пр. Эта синкретическая тенденция говорит об изменении качества современной коммуникации. Она проявляется в том, что формируются новые содержательные контексты, заставляющие язык переступать границу чисто когнитивной и информационной сферы взаимодействия и вступать в область эмоционального общения.

Можно отметить обратимость, присущую коммуникации современных медиа- и интернет-сообществ. Из наскальных рисунков, петроглифов, пиктограмм и клинописи появляется письменность, в ней фиксируется значимая информация, которая сохраняется и передается. Диахронная тенденция состоит в том, что вовлечение прошлого и прошлых форм языка идет уже не только в плане информации, а подразумевает использование языков прошлого в новом для них эмоциональном контексте. Неоязыки, восстановление знаковости прошлых и других эпох сопровождаются наделением этих языков новым эмоциональным содержанием. Такая тенденция проявляется в новой трактовке предшествующего развития языка, его история, по сути, переписывается, например, М. Маклюэном [1].

Появление печатных станков в эпоху Гуттенберга заставляет письменность эволюционировать в печатные книги, письма и тексты. Если письменный язык допечатной эры подразумевал свои средства передачи отношения к тексту и свой вид нарратива, состоящий в украшении текстов рисунками и вырисовывании букв, то в печатной версии это отринули, книга печатная нацелена на точное воспроизводство только информационной составляющей. Язык, переходя в печатную форму, словно освобождается от старого эмотивного компонента, зато формируется новый эмотивный тип сопровождения текста. Вначале он задан вне текста, как критика и научные школы, но затем вновь проникает внутрь самого языка, в тексты и буквы.

Современные средства передачи информации в виртуальных мирах и компьютерных технологиях, с одной сто-

роны, дают новый виток в развитии текстов и языков, на которых они излагаются, с другой стороны, они возвращают нас к петроглифам и графемам. Несомненно, возвращение к сокращенным формам письма, принимающим вид смайлов и пиктограмм, несет уже новые смыслы развития и самой письменности. Получается, что старые эмоциональные средства в прошлых языках уже отринуты историей языка, но происходит их возвращение на новом уровне.

Вышеизложенное позволяет выявить в общем поле исследования по крайней мере три вектора анализа: во-первых, анализ прошлых форм эмотивного сопровождения языка, в том числе в нарративных формах. Общая тенденция здесь такова, что сначала эти эмотивные составляющие сопровождают тексты в альтернативных и сопутствующих форматах коммуникации, соседствуя с текстом как подчиненные формы, как дополняющие текст, но затем вдруг происходит слияние информационного и эмотивного слоев коммуникации и языка. Это слияние порождает, с одной стороны, всплеск культурного многообразия, с другой — конфликты, которые в пределе могут выражаться даже в гражданских войнах, в саморазрушении культуры и цивилизации. Мы не считаем, что именно коммуникация является источником саморазрушения, но она отчетливо показывает тенденцию саморазрушения и самообновления. Здесь важно понимать, что человек чужие тексты и тексты прошедших эпох эмоционально воспринимает не так, как их авторы и те, для кого писали эти авторы. Мы даже контексты этих текстов понимаем по-своему. В этом векторе анализа эмотивные компоненты раскрывают логику когнитивного поиска, показывают аргументы оппонентов, методы спора, направления поиска, т. е. помогают понимать когнитивную составляющую глубже.

Во-вторых, современная нарратология показывает новые форматы коммуникации, их опережающее развитие, ключевым при этом становится не столько передача новой информации, сколько производство сообщений нужного типа отношения и эмоции. В качестве примера можно привести современное образование. Научная часть информации, передаваемая школьникам, не столь велика по объему, как сопровождающая, объясняющая часть школьных учебников. В эту сопровождающую часть входит оценка, идеологема, пропаганда, методы понимания и применения информации, которая исходно возникла не так и не в том контексте, который показан в учебнике. В итоге школьники получают не картину развития знания, а поле его усвоения, которое не предполагает способности и методы открытия. По сути происходит подмена поля развития полем усвоения, в развитии доминируют эмоции и интуиция новизны открываемого, а в усвоении — точность повторения усвоенного.

В-третьих, в этом взаимодействии когнитивной и эмоциональной коммуникации выделяется вектор анализа синтетического мышления, типа эмоционального интеллекта, который соединяет возможности рационального и интуитивного открытия и развития мысли. В частности, этот вектор проявляется в анализе эмоционального интеллекта, концепция которого становится все более популярна в западной теории управления: управление своими эмоциями, эмоциями другого человека и эмоциями группы.

Особенное место в таком контексте приобретает политическая борьба. Опыт анализа текстов показывает, что политическая критика скрывает, а не проясняет реальные отношения и эмоции, политическое скрывает подлинные мотивы, цели и действия, прикрывает благими намерениями и популистскими лозунгами борьбу за власть.

В этом контексте эвристичным представляется анализ смайлографии. Смайлография становится все более и более популярной, причем используют ее не только при общении в мессенджерах, СМС и интернет-форумах. Как отмечает С. И. Орехов, смайлография — это графоподрожание, процесс образования и функционирования «электронных» слов, фразеологизмов, условно воспроизводящих мимику, жесты, одежду, человеческие профессии, качества и пр. [2, с. 156–163]. Также смайлографию можно понимать как процесс электронной коммуникации, сопровождающийся использованием специальных сетевых сокращений. Сокращение — это концентрированная единица письменной речи, созданная из отдельных элементов исходной формы, с которой эта единица находится в лексико-семантической связи. С. И. Орехов указывает, что в качестве таких сетевых сокращений выступают акронимы, которые можно отнести к смайлографии. Акроним — слово, образованное путем сложения начальных букв слов или начальных звуков. По мнению автора, сетевые акронимы в основном обозначают действия, пожелания, обращения, приветствия, вводные слова, подписи, прощания. Л. А. Максименко, проводившая тщательный анализ работ С. И. Орехова и сумевшая уловить актуальные тенденции в изучении соборности виртуальной реальности, рассматривает смайлографию как описание «виртуального эмоционального» [3, с. 20]. Г. В. Горнова развивает идею интернет-соборности С. И. Орехова применительно к трансформации, происходящей с городской культурой: коллективное виртуальное выступает компенсаторным механизмом, обеспечивающим эмоционально-психологический комфорт и безопасность горожан, но одновременно делает их жителями «глобальной деревни» [4, с. 115–116].

Забавные или грустные, кричащие или плачущие вездесущие смайлики-ухмылки все чаще заменяют выраженные в словах, словосочетаниях и предложениях захлестывающие эмоции. И в самом деле, какой текст сможет конкурировать со столь лаконичными и в то же время порой непередаваемыми другим способом эмоциями? Одновременно они и упрощают эмоции, стандартизируют их, а между тем их интерпретация порой требует дополнительных мыслительных усилий.

Виртуальные тексты и гипертексты, особенно избыточные подобного рода значками, в какой-то степени обедняют язык (когнитивно — из-за рассеивания внимания и фокусировки на эмоции и эмотивно — через стандартизацию и упрощение коммуникации), на котором ведется дискурс. В этом контексте смайлики выражают и делают видимым эмоциональную составляющую коммуникации. Они способны одновременно рассказывать и показывать все то, что пишущий старается передать своему адресату. Эта совокупность показывания и рассказывания проявляется тем более отчетливо, чем больше становятся масштабы использования смайлографии. Можно отметить, что смайлики запускают, с одной стороны, сопровождающую

информацию эмоцию, с другой — порождают новое отношение и мышление у адресатов в коммуникации.

Несомненно, мир знаков представляет собой сложную и многообразную систему коммуникативных средств, которые существуют и развиваются согласно условиям времени. Очевиден также и тот факт, что знаки являют собой продукт общественных отношений, а характер их находится в прямой зависимости от уровня этих отношений. По мнению С. В. Захаровой, это подтверждает прогресс в развитии знаковых систем: «...в дописьменную эпоху истории человечества их насчитывалось 24, в письменную — 36, а после изобретения книгопечатания — уже 44» [5]. В наши дни, когда человечество переживает глобальную информационную революцию, количество знаковых систем увеличилось в разы. В Интернете и новых информационных системах человек создает знаки и оперирует ими машинным способом, большинство операций со знаками совершает уже не он сам непосредственно, а машина. С автором статьи определенно можно поспорить. Здесь вопрос в том, запускает ли текст передачу сообщения или выводит читателя в позицию автора, ведь это совершенно разное восприятие текста и реакция читателя [6].

Современные тексты становятся все более эмоционально окрашенными. Это характерно не только для быденного или художественного языка, такая тенденция наблюдается и в языке науки, культуры, образования. Основательностью изучения эмоциональной коммуникации, эмотивности и экологичности эмоций отличаются работы современных российских исследователей, в первую очередь В. И. Шаховского [7; 8], С. В. Ионовой [9], Я. А. Волковой [10], А. С. Кондиной [11] и др. Связывая обращение к эмоциям с доступом к сфере *ratio* и *cognitio*, авторы подчеркивают неразделимость эмоции и когниции, более того, указывают, что эмоция является мотивационной основой сознания.

Поднимая вопрос об экологичности текста и коммуникации, исследователи считают, что особой значимостью обладает ситуация общения, так как только при ее анализе происходит вскрытие эмоциональной составляющей, обнаружение намерений говорящего/пишущего [10, с. 133–134]. Следуя этой логике, эмоционально-смысловая составляющая семантики слова/высказывания/текста по сути своей двумодусна, что само по себе не исключает возможности ситуативного использования положительных эмотивов с целью диффамации или отрицательной оценки адресата в воспитательных целях [10, с. 135]. Конечно, экологичность — это не единственный аспект расширения эмоциональности — эмоциональные сообщения концентрируются, приобретают новую лаконичность и проникают в науку, где их обычно не было. Эта распространенность лишних эмоций и вызывает вопросы об экологичности. Если эмоция возникает при первом чтении текста и сопровождает этот текст, складывается впечатление, что второй раз этот текст таким же образом прочитан не будет, ведь при втором чтении, вполне возможно, будут возникать иные эмоции.

Итак, язык меняется в сторону усиления эмоционального сопровождения информационного сообщения, этим он отражает качественное изменение коммуникации, в том числе нарастание эмоциональной ее составляющей. Вопрос о том, почему эмоциональное содержание начинает опережать по объему когнитивное, становится одним из важнейших

вопросов, так как он касается значимых изменений, происходящих в развитии коммуникаций и культуры в целом.

1. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М. : Акад. проект, 2005. 496 с.
2. Орехов С. И. Поиск виртуальной реальности : моногр. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2002. 184 с.
3. Максименко Л. А. Орехов о виртуальной реальности: актуальная повестка // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2019. № 1 (22). С. 18–22.
4. Горнова Г. В. НОМО URBANUS: Антиномии и конфликты городской жизни в типах горожан : моногр. Омск : Амфора, 2011. 124 с.
5. Захарова С. В. Виртуальная реальность в смыслах и значениях языка // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 29 (167). Философия. Социология. Культурология. Вып. 13. С. 5–11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnaya-realnost-i-smyslah-i-znacheniyah-yazyka> (дата обращения: 22.11.2018).
6. Пастухова Е. В. Типы чтения и уровневая организация языковой личности // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2017. № 3 (16). С. 42–45.

УДК 101.9

Науч. спец. 09.00.13

DOI: 10.36809/2309-9380-2019-24-49-53

ФИЛОСОФ Ф. А. СТЕПУН И СОВЕТСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА В 1917–1922 годах

В статье исследуются взаимоотношения видного философа русского зарубежья Федора Августовича Степуна (1884–1965) с советской властью. В годы Гражданской войны он работал руководителем Государственного показательного театра. Проведенное исследование позволило выявить, что Степун, анализируя большевизм и ленинизм как национальные явления, не принял их. В то же время он был противником белого движения, поскольку понял, что, воюя с большевиками, он будет воевать с народом, в массе своей воспринявшим марксистские идеи в интерпретации Ленина. Не желая эмигрировать, он все же был вынужден вместе с другими мыслителями покинуть навсегда Родину на знаменитом «философском пароходе».

Ключевые слова: мировоззрение, марксизм, большевизм, ленинизм, «философский пароход».

В годы столетия Гражданской войны 1918–1920 гг. есть необходимость осмысления того, как восприняли ее русские философы, каким образом строились их отношения с новой советской властью и чиновниками. Одним из примеров этих взаимоотношений может послужить жизнь и философская деятельность яркого и талантливого русского философа Федора Августовича Степуна. Вся биография Степуна и в особенности его поступки в годы Гражданской войны, его взаимоотношения с советской номенклатурой характеризуют философа как храброго человека, отстаивающего не только свою офицерскую честь, но и человеческое достоинство.

7. Шаховский В. И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Лингвистика. 2018. № 1. С. 54–79.

8. Шаховский В. И. Эмоции. Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М. : Либроком, 2016. 128 с.

9. Ионова С. В. Эмотивная лингвистика: от глубин слова к широте социальных коммуникаций // Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмоциональной лингвистике : сб. науч. тр., посвящ. 75-летию проф. В. И. Шаховского. Волгоград : Волгоград. науч. изд-во, 2013. С. 9–12.

10. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве : моногр. / науч. ред. проф. В. И. Шаховский ; отв. ред. проф. Н. Н. Панченко ; редкол.: Я. А. Волкова, А. А. Штеба, Н. И. Коробкина. Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. 450 с.

11. Кондина А. С., Пастухова Е. В. Проявление эмоционального интеллекта как существенный признак нарративизации вторичной языковой личности // Верхневолж. филол. вестн. 2019. № 2 (17). С. 156–166.

© Пастухова Е. В., 2019

В. Н. Пинчук

V. N. Pinchuk

PHILOSOPHER F. A. STEPUN AND THE SOVIET NOMENCLATURE IN 1917–1922

The article considers relationship of a prominent Russian community's philosopher Fyodor Avgustovich Stepun (1884–1965) with the Soviet Government. During the Civil war he worked as the head of the State Demonstrative Theatre. The analysis revealed Stepun's refusal of Bolshevism and Leninism. At the same time he was an opponent to the White movement because he realised that if he rebelled against the Bolsheviks he would fight against his own people who largely accepted Marxist ideology in Lenin's interpretation. Wishing to avoid emigration he was still forced to leave his homeland forever aboard the renowned "philosopher's ship".

Keywords: worldview, Marxism, Bolshevism, Leninism, "philosopher's ship".

В самом начале эмиграции, сразу же после выдворения Степуна на «философском пароходе» из Советской России, он стал осмысливать свои отношения с советской номенклатурой. Так, в первом очерке из цикла «Мысли о России», опубликованном в 1923 г. в Париже, автор отмечает, что все «годы большевистского господства» он прожил в деревне и даже голодал в зиму 1919–1920 гг., но участвовал в театральные постановках. Степун стал работать в советском